

Х. Момджян

Гельвеций и Монтескье

(Письма и критические заметки Гельвеция на „Дух законов“)

Взаимоотношения двух выдающихся мыслителей XVIII века Монтескье и Гельвеция—представляют значительный интерес для правильного и глубокого понимания той бурной „революции идей“, которая подготовила умы к сокрушению феодального порядка во Франции.

И Монтескье и Гельвеций выступили на арену политической и теоретической борьбы, как идеологи идущей к власти прогрессивной предреволюционной французской буржуазии. Во многом они сходились, но многое их принципиально и резко разделяло. Оба они посвятили свою жизнь и незаурядные свои дарования критике загнившего феодального строя и теоретической защите основ грядущего нового социального порядка. Но как различна эта критика, как различны их политические идеалы. Даже современники и друзья не сходились между собой в понимании истинного характера взаимоотношений этих двух выдающихся людей века. Если Руссо был склонен видеть то, что решительно отличало одного от другого, то Дидро напротив, стирая принципиальные грани между „Духом законов“ и „Об уме“, заявлял, что книга Гельвеция есть „собственно, введение к „Духу законов“, несмотря на то, что автор не всегда согласен с Монтескье“.¹

Совершенно ошибочно Гримм торопился провозгласить Гельвеция учеником Монтескье, утверждая, что „Дух законов“ будто бы явился „той книгой, которая произвела полную революцию в духовной жизни Гельвеция“.²

В действительности, как мы увидим ниже, к моменту выхода „Духа законов“ Гельвеций был уже достаточно сформировавшимся мыслителем, способным подвергнуть принципиальной критике произведение Монтескье с позиции собственных политических и философских убеждений.

Нельзя сказать, что в трудах позднейших буржуазных исследователей вопрос о взаимоотношениях между Монтескье и Гельвецием нашел сколько-нибудь полное и правильное отражение. Так,

¹ Oeuvres complètes de Diderot, Paris, 1877, t. II, p. 16.

² Correspondence littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot, Paris, 1829, t. VII, p. 889.

Эрнст Берсо в своей книге „Etudes sur le XVIII siècle“ ограничился почти дословным воспроизведением ошибочной точки зрения Гримма.¹

Взгляд, согласно которому Гельвещий в своих политических воззрениях является учеником Монтескье и якобы без существенных различий повторяет мысли автора „Духа законов“, нашел достаточно широкое распространение в буржуазной литературе, посвященной эпохе просвещения и просветителям. Наиболее отчетливо эта точка зрения была высказана Цоль Жане в его работе „Histoire de la science politique“. „В политике, собственно говоря, — пишет Жане, — Гельвещий ограничивается лишь развитием или скорее разжижением (délayer) идей Монтескье о различиях, существующих между деспотизмом и монархией...“.²

Писатели, которые пытались показать расхождения, существующие между взглядами Монтескье и Гельвещия, не пошли, однако, дальше простой констатации этих расхождений и не сумели вскрыть их принципиальный характер. Так, Луи Виан в монографии, посвященной Монтескье,³ довольствуется лишь приведением нескольких отрывков из критических писем Гельвещия о Монтескье, отказываясь даже от комментирования этих отрывков. В отличие от Виана А. Сорель попытался разобраться в расхождениях между Монтескье и Гельвещием, но пришел к совершенно тенденциозным и легковесным выводам. А. Сорель оказался даже не в состоянии различить критиков „Духа законов“ справа и слева. Он, конечно, далек от мысли видеть классово-партийный характер тех оживленных дебатов, которые уже в середине XVIII века развернулись вокруг книги Монтескье и довольствуется типично мешанским объяснением: Монтескье, дескать, „был велик и это не могло не породить зависти против него“.⁴ В силу весьма скудных и путанных представлений о Гельвещии, Сорель совершенно ошибочно относит его к той „школе спекулятивных мыслителей, которая всегда восставала против опыта“.⁵ Если верить Сорелю, критика, которой подвергся „Дух законов“ со стороны Гельвещия, была критикой опытной философии Монтескье со стороны философа-схоласта. Поистине нужно быть лишенным самых элементарных познаний о Гельвещии, чтобы отнести его, сторонника эмпирического метода Локка, к лагерю умозрительной и схоластической философии.

¹ L'Esprit des lois venant à paraître (1749), — пишет Берсо, — ce fut toute une révolution dans l'âme et la vie d'Helvétius. Il résigna (1750) la place de fermier général, quitta la vie dissipée etc... (Etudes sur le XVIII siècle par Ernest Bersot. Paris. 1865, p. 166).

² Histoire de la science politique dans ses rapports avec la moral par Paul Janet Paris, 1887, t. II p. 486

³ Louis Vian, „Histoire de Montesquieu“, Paris, 1878.

⁴ A. Sorel, „Montesquieu“, Paris, 1887, p. 135

⁵ Ibid. \

В своей книге о Гельвеции А. Кейм правильно указал на ошибочный подход Сореля к вопросу об отношении Гельвеция к Монтескье и впервые сделал серьезную попытку выяснить истинные взаимоотношения между этими двумя мыслителями. Несмотря на ряд неоспоримых достоинств всей книги Кейма в целом и небольшой главы, посвященной Монтескье и Гельвецию, в частности, интересующий нас вопрос и здесь не нашел достаточно правильного разрешения. Этому помешала как буржуазно ограниченная, идеалистическая методология Кейма в целом, так и, в частности, одна ложная тенденция, которая пронизывает всю книгу и во многом обесценивает ее. Выражается эта тенденция в том, что, преследуя задачу „реабилитации“ Гельвеция в глазах реакционной буржуазии XX века, Кейм искажает суть философии Гельвеция, отрицая ее материалистический и атеистический характер. Не считая Гельвеция представителем материалистической и атеистической школы даже в наиболее зрелый период его развития, Кейм, естественно, далек от мысли расценивать критику Монтескье, данную Гельвецием уже в 1748—49 гг., как критику, исходящую со стороны человека, стоящего уже в общеполитических вопросах на позициях материализма и атеизма.¹

Указывая на ряд расхождений во взглядах Монтескье и Гельвеция, Кейм, однако, не в состоянии вскрыть социальные корни этих расхождений и понять, что они не случайного порядка, а являются отражением противоречий в лагере самой предреволюционной французской буржуазии, между различными ее прослойками.

Общеизвестно, что предреволюционное французское третье со-

¹ „Нельзя сказать,—пишет Кейм,—является ли Гельвеций больше атеистом, чем Вольтер, Бюффон или Монтескье. Подобно им он является светским писателем. Быть может при необходимости он не отказался бы признать себя деистом, ибо пишет, что „движущаяся картина вселенной говорит о величии машиниста“ (А. Кейм, „*Helvétius, sa vie et son oeuvre*“, Paris, 1907, p. p. 144—145).

Это, можно сказать, единственное имеющееся у Гельвеция деистическое высказывание Кейм берет из „*Notes de la main*“ французского мыслителя, оставляя в тени материалистический и атеистический характер имеющих здесь записей в целом. Не преследуя здесь задачу показа защиты и обоснования материализма и атеизма в позднейших трудах Гельвеция, приведем лишь два высказывания философа из „*Notes de la main*“ в период с 1738 по 1749 г., с неоспоримостью свидетельствующих, что к периоду написания им критических писем о Монтескье (1748 г.) он уже стоял на позициях материализма и атеизма. „Материя огня,—записывает Гельвеций в „*Notes de la main*“. Если эта материя не может существовать без движения, то отсюда вытекает, что движение существенно для материи, следовательно нет никакой необходимости в действующей силе (*agent*), которая сообщила бы материи движение“ (*Notes de la main d'Helvétius*, Paris, 1907, p. 45). Не трудно видеть, что здесь Гельвеций прямо отвергает деистическую точку зрения. Но вот и другое высказывание, которое рассеивает всякие сомнения в атеизме Гельвеция: „По системе притяжения (*attraction*),—пишет Гельвеций,—нет необходимости допускать существование бога, ибо, если материя обладает способностью притяжения, то тела должны были притягиваться до тех пор, пока они не пришли бы в положение, которое они занимают сейчас“ (*ibid.*, p. 86).

словие, охватывавшее в своих рядах все слои населения, не принадлежавшие к господствующим феодальным сословиям — дворян и духовенства, не представляло, по своему социальному составу и специфическим интересам, единой и нерасчлененной массы. Речь идет не только о различиях в социальных интересах и чаяниях, существовавших между буржуазией, мелкой буржуазией и пролетарскими элементами, но и о дифференциации, которая давала о себе знать в рядах самой буржуазии, между ее верхушечными слоями и основной ее массой.

Без учета особых интересов этих верхушечных слоев и основными массами предреволюционной французской буржуазии невозможно понять ни расхождения в лагере французских просветителей, ни, в частности, расхождения в социально-политических взглядах Монтескье и Гельвеция.

Что из себя представляла буржуазная верхушка? Она состояла из богатых поставщиков армии и флота, генеральных откупщиков, банкиров, людей, державших в своих руках внешнюю торговлю Франции, судовладельцев, высокопоставленных чиновников, вышедших из буржуазной среды, владельцев крупных феодальных поместий, ставших на путь капиталистического развития. Несмотря на привилегированное положение этой верхушечной буржуазии, ей были не чужды оппозиционные настроения по отношению к господствующему порядку, выражавшиеся в желании реформировать феодальный строй в сторону максимального расширения прав и свободы хозяйственной деятельности этой высокопоставленной знати без фамильных гербов и титулов. Буржуазная верхушка, естественно, была заинтересована занять в политическом управлении страной то место и ту роль, которые соответствовали ее влиянию и удельному весу в экономике страны. Но, однако, политические устремления этой буржуазной верхушки, ее оппозиционность к феодализму были достаточно ограниченными и половинчатыми. Она боялась и чуждалась народных масс, стремилась к компромиссу с аристократией, мечтала о постепенном и при этом исключительно мирном и легальном выкупе части политической власти у аристократии. Конституционная монархия английского типа, двухпалатная система, как выражение полюбовного соглашения между аристократией и буржуазией, конституционное закрепление прав и привилегий буржуазии наряду с правами и привилегиями феодальной знати, — таковы были пределы политических мечтаний буржуазных верхов дореволюционной Франции.

Этому умеренному буржуазному либерализму противостояла более радикальная политическая идеология основных масс французской буржуазии, которые неизмеримо больше испытывали на себе тяжесть феодальных оков и политического бесправия и по мере загнивания ненавистного старого порядка и углубления классовых противоречий все больше и больше утверждались в мысли о необходимости ре-

шительной расправы с феодальными отношениями и абсолютизмом, пусть даже с помощью народных масс.

Мы постараемся показать ниже, что теоретическое столкновение взглядов Монтескье и Гельвещия было ничем иным, как выражением противоречий между интересами верхушечных слоев буржуазия и ее основными массами, противоречий между двумя возможными путями утверждения капиталистического строя: путь компромисса с господствующими феодальными сословиями и путь решительного уничтожения феодальных отношений. По первому пути, как известно, пошла английская, так называемая, „славная революция“ 1688, по второму — французская революция 1789—94 гг.

* * *

Начало личного знакомства и дружбы Монтескье и Гельвещия относится к концу 30-х годов XVIII столетия. К этому времени Монтескье уже был автором знаменитых „Персидских писем“ (1721) и „Рассуждений о причинах величия римлян и их упадка“ (1734), в которых деспотическая форма правления и современный автору французский абсолютизм были подвергнуты тонкому осмеянию и осуждению. Несмотря на все меры предосторожности, предпринятые Монтескье, все противники старого режима видели в нем высокоодаренного и исключительно эрудированного писателя, носителя новых, опасных для существующего порядка, мыслей. Монтескье притягивал к себе всех честных, мыслящих, оппозиционно настроенных к деспотическому режиму людей. К Монтескье потянулся и молодой Гельвещий. Он не имел еще ни одной опубликованной работы и был известен свету лишь как богатый генеральный откупщик. Он приходил к Монтескье вечно возбужденным, беспокойным, охваченным сомнением и нескрываемой тревогой за настоящее и будущее Франции. Частые его служебные выезды в провинцию давали ему возможность непосредственно наблюдать жизнь народных масс, видеть Францию такой, какой она есть. Картина была безотрадная и внушала глубокую тревогу за судьбы страны. Феодально-абсолютистская Франция медленно, но верно шла к своей гибели. Обострившиеся противоречия между господствовавшей феодальной системой и окрепшими в его недрах капиталистическими отношениями все чаще и чаще давали о себе знать периодическими кризисами, которые становились все затяжнее и разрушительнее. В 1738 году, т. е. тогда, когда Гельвещий начинал свою деятельность в качестве генерального откупщика, феодальная Франция вновь содрогалась от очередного разрушительного кризиса. Смерть нещадно косила нищую и голодную французскую деревню. В 1739 году в Турени, Мэпе, Ангумау, в верхнем Пуату, в Перигоре, Берри, в Орлеанском округе люди „ели траву и мерли как мухи“.¹

¹ Ф. Рокэн, „Движение общественной мысли во Франции XVIII в.“, С. Петербург, 1902, стр. 111.

По свидетельству Д'Аржансона в 1738—1739 гг. во Франции погибло от нищеты и голода больше народа, чем было убито людей во всех войнах Людовика XIV.¹ Народ грозно роптал. Во многих местах вспыхивали волнения. 18 сентября 1740 г. „когда король проезжал по предместью Сен-Виктор по дороге к Исси, где находился кардинал,² вокруг него собрался народ, кричавший не „Да здравствует король“, а—горе! Хлеба! Хлеба! и осыпавший ругательствами „эту старую собаку, кардинала“. Люди, доведенные до крайности нуждой, громко высказывали намерение сжечь отель генерального контролера финансов. Несколько дней спустя, когда министр проезжал через Париж, его окружила толпа более двухсот женщин, которые хватались за упряжь лошадей, не хотели пропустить его, отворяли дверцы кареты и с яростью кричали: „Хлеба! хлеба! мы умираем с голода!“³

Эти еще локальные бунты и волнения были первыми зарницами того великого пожара, в котором абсолютистской власти, сословному неравенству, сеньеральным правам, всему отжившему социальному правопорядку было суждено сгореть без остатка.

В этой все более накаляющейся обстановке складывались первые контуры социальной философии Гельвеция. Грозные выкрики, рожденные нуждой и страданием, еще звучали в ушах этого наблюдательного и впечатлительного человека, когда в свободные от служебных дел часы он брался за перо, чтобы писать свои первые философские послания в стихах „О любви к знанию“, „Об удовольствии“, „О лени и гордости ума“, „О ремеслах“, „О суеверии“, поэму „Счастье“ и делать свои многозначительные заметки в записной книжке („Les notes de la main“).⁴

Этот ранний период литературно-философского творчества Гельвеция был тесно связан с именем Вольтера. К нему начинающий писатель обращался со своими вопросами, с ним он делился своими литературными сомнениями и антипатиями, ему он доверял свои догадки и предположения. Со своей стороны Вольтер любовно выполняет роль духовного отца Гельвеция, не жалеет сил и времени, чтобы обучать своего ученика писательскому ремеслу, выработать у него литературный вкус, направить его мысли по правильному руслу.

Но вскоре Вольтер начинает проявлять беспокойство, вызванное ходом мыслей Гельвеция, их непомерной смелостью и прямоотой. Он призывает его к умеренности и даже пишет целое послание, адресованное Гельвецию и зовущее его к осторожности.⁵ Но

¹ Рокэн, стр. 112.

² Речь идет о кардинале Флери.

³ Рокэн, стр. 112.

⁴ Все перечисленные произведения Гельвеция были опубликованы после его смерти (1771).

⁵ Многозначительно уже одно название этого послания: De la modération en tout, dans l'étude, dans l'ambition, dans les plaisirs. Главная цель этого посла-

бурная социальная действительность поучала сильнее любого учителя. Отталкиваясь от сенсуалистической философии Локка, но отвергая его непоследовательность и, в частности, учение о внутренней рефлексии, как о втором, наряду с ощущениями, источнике познания, Гельвеций постепенно переходит на позиции материализма и атеизма. Тем самым он порывает с философскими позициями самого Вольтера, который, как известно, не пошел дальше деизма и отвергал как материализм, так и атеизм.

В этот же период молодой Гельвеций настойчиво работает над тем, чтобы осмыслить процесс общественного развития и дать этическую и социологическую концепцию, твердо придерживаясь материалистического сенсуализма. Как в ранних своих работах, так и в книгах „Об уме“ и „О человеке“ Гельвецию не удалось выйти за пределы идеалистического понимания истории. Но суровая гельвецианская критика, обращенная против религиозно-идеалистической социологии и этики, была знаменательным прогрессивным шагом вперед.

Эволюция философских взглядов молодого Гельвеция совершалась в неразрывной связи с радикализацией его политических убеждений. Первые достаточно робкие и абстрактные его выпады против абсолютной монархии и привилегированных сословий постепенно вырастают в страстное и убежденное отрицание всех форм деспотизма и феодальной системы в целом.

Вот эту стадию своего интеллектуального развития переживал Гельвеций, когда во время служебных поездок навещал Монтескье, проживавшего в собственном имении Ла Бред. Монтескье встречал молодого Гельвеция не как ученика, а как человека с более или менее уже сложившимися философскими и политическими взглядами. В течение долгих часов они беседовали о наиболее злободневных философских и социально-политических вопросах. По свидетельству Сен Ламбера, если Гельвеций был убежден в том, что в лице Монтескье наука имеет „вождя законодателей“, то в свою очередь Монтескье вполне догадывался, как далеко пойдет его молодой друг в своих научно-философских исканиях.¹

Но уже при этих встречах и беседах Гельвеций не скрывал от будущего автора „Духа законов“ свою неудовлетворенность его ограниченно-либеральными взглядами, его умеренно-критическим отношением к феодальным порядкам и феодально-религи-

ния удержать Гельвеция от атеизма. Вольтер пишет:

La raison te conduit, avance a sa lumière,
 Marche encore quelques pas; mais borne ta carrière
 Au bord de l' infini ton cours doit s' arrêter
 La commence un abyme, il le faut respecter
 (Voltaire Oeuvres, t. II, p. 485)

¹ Saint Lambert, „Essai sur la vie et les ouvrages d'Helvétius“, Oeuvres complètes d' Helvétius, Nouvelle édition, Paris, 1818, p. 8.

озной идеологии. Монтескье выслушивал эти замечания, возражал против них, но продолжал свою дружбу с немного экспансивным, но умным и проницательным Гельвеецем. И, быть может, высшим выражением доверия Монтескье к уму, знаниям и вкусу своего молодого друга явилось то обстоятельство, что еще до опубликования „Духа законов“ (1748 г.) он передал Гельвеецию рукопись своего произведения, рассчитывая на объективное, критическое суждение о ней. Монтескье не ошибся в своих ожиданиях. В том же 1748 году Гельвееций в специальном письме откровенно и с чувством полной независимости сообщил Монтескье свои критические суждения о „Духе законов“. Почти одновременно он обратился к своему другу Сорену с письмом, также целиком посвященным разбору произведения Монтескье.¹ Много позднее Гельвееций вновь вернулся к оценке шедевра Монтескье и сделал на полях своего экземпляра „Духа законов“ очень существенные замечания.²

В настоящем очерке мы преимущественно ограничиваемся тремя названными документами для выяснения принципиальных расхождений, имевшихся между Монтескье и Гельвеецем.

* * *

При всех своих разногласиях с Монтескье, Гельвееций был достаточно прозорлив и объективен, чтобы понять и по достоинству

¹ Оба эти письма впервые были опубликованы душеприказчиком Гельвееция Лефевр-Ларошем в 1789 году, незадолго после начала революции. Публикация этих писем преследовала определенную политическую цель. Дело в том, что несколько месяцев спустя после революции правые элементы в Учредительном Собрании в лице конституционной комиссии и персонально — Мунье защищали антидемократическую систему двух палат. Правые элементы, отстаивая необходимость аристократической палаты, стремились создать государственную систему на основе классового компромисса между аристократией и буржуазией по английскому образцу. Нет ничего удивительного в том, что сторонники системы двух палат весьма часто и энергично апеллировали к авторитету Монтескье. Публикацией писем Гельвееция, заостренных против компромиссной политической концепции Монтескье, Ларош и его единомышленники стремились нанести удар по сторонникам двухпалатной системы. В предисловии к письмам Гельвееция Ларош писал в 1789 г., что пока заблуждения автора „Духа законов“ не выходили за пределы теории, он мог не торопиться с опубликованием писем Гельвееция, но „теперь, когда эти заблуждения становятся подспорьем для серьезных предрассудков и когда частные интересы пытаются возвести ошибки Монтескье в практические принципы, необходимо обсудить их и сделать достоянием публики критическую оценку мыслей Монтескье со стороны его друзей“ (см. предисловие Лароша к *Oeuvres complètes de Montesquieu*, Nouvelle édition, 1793, t. 1, p. XII).

² Мы не располагаем никакими точными сведениями о времени, когда были сделаны эти заметки. Ларош ничего не сообщает по этому вопросу. Кейм же предполагает, что они в основном относятся к 1748 году, хотя и допускает, что часть из них более позднего происхождения (см. *Keim*, „*Helvétius*...“ p. 166). Нам кажется, что одно обстоятельство, не замеченное Кеймом, способно пролить свет на интересующий нас вопрос. Критические заметки Гельвееция были впервые опубликованы Ларошем в качестве подстрочных примечаний к „Духу законов“ в полном собрании сочинений Монтескье издания 1755 г. В первом томе этого издания мы встречаем „*Eloge de Montesquieu*“, написанное Даламбером и впервые опубли-

оценить „Дух законов“, который несмотря на всю свою умеренность, был направлен против деспотизма и фанатизма, теоретически обосновал необходимость более прогрессивного государственного строя, отстаивал демократические права личности. „Я не знаю,— писал Гельвеций Монтескье,—будут ли наши французские головы достаточно зрелыми, чтобы понять великие прелести, содержащиеся в нем. Я восхищаюсь широтой гения, создавшего их и глубиной изыска ний, предпринятых Вами...“¹

Но эта высокая оценка ничуть не мешает Гельвецию отвергать в „Духе законов“ все то, что он считает ошибочным и вредным для просвещения людей. По каким основным линиям развивается гельвецианская критика Монтескье? Мы не ошибемся, если скажем, что острее этой критики направлено против примиренческого отношения „Духа законов“ к феодальному правопорядку, к господствующим феодальным сословиям и феодально-религиозной идеологии. В письме к Сорену Гельвеций дает следующую характеристику Монтескье: „С умом, сходным с Монтеневским, он сохранил все предрассудки парламентского советника и дворянина“.² Гельвеций открыто выражает свое недовольство тем, что Монтескье щадит укоренившиеся предрассудки и не подвергает действенной критике нелепые и несправедливые феодальные законы, чрезмерно корректно относится к господствующим реакционным идеям.

„Вы обращаетесь с предрассудками так,— пишет Гельвеций,—как молодой человек, входящий в свет, обращается со старыми, но не лишенными еще претензий дамами, в глазах которых он хочет быть вежливым и хорошо воспитанным. Но не очень ли Вы льстите этим предрассудкам? Вот взять бы священников? Отдавая должное этим церберам церкви, Вы лишь заставляете их замолчать относительно Вашей религии, но что касается остального, то они Вас не поймут. Наши судейские крючки (gobins) не в состоянии ни читать, ни рассудить Вас. А что касается аристократов, то они, если даже и поймут Вас,—не очень Вам будут рады“.³

Гельвеций обвиняет Монтескье в том, что его взоры обращены не столько в будущее, сколько в прошлое, что он больше занят

кованное в 1755 году. Критическими заметками Гельвеция снабжены не только первые восемь книг „Духа законов“ но и названный „Eloge“. Логично предположить, что заметки Гельвеция были сделаны на полях книги того издания „Духа законов“, которому уже было предпослано „Eloge de Montesquieu“. Само собой разумеется, что не могло быть ни издание 1748 г., ни какое-либо другое, вышедшее до 1755 года, т. е. до смерти Монтескье и появления „Eloge“. Первым изданием „Духа законов“, где мы встречаем „Eloge“ было издание 1758 года (Oeuvres de monsieur de Montesquieu, Nouvelle édition. A. Amsterdam et a Leipsick MDCCL VIII). Поэтому мы полагаем, что критические примечания Гельвеция к „Духу законов“ не могли быть написаны ранее 1758 года.

¹ Helvétius, Oeuvres complètes, Nouvelle édition, Paris, 1818, t. III, p. 259.

² Ibid, p. 265—266.

³ Ibid, p. 261.

объяснением законов старого мира, чем открытием принципов будущего, более разумных и справедливых форм человеческого общежития. В этой связи он высказывает свое удивительно глубокое, революционное понимание роли науки и призвания ученого... " ...Писатель,—заявляет Гельвеций,—который хотел бы быть полезным людям, должен больше заниматься истинными максимумами грядущего лучшего порядка, чем освящать (*consacrer*) те, которые являются опасными с тех пор, как предрассудок овладел ими, пользуется ими и желает их увековечить. Прибегать к философии, чтобы придать вес всем этим предрассудкам, которым интерес и плохая вера ловко придали ценность, значит толкать человеческий разум на попятное движение и увековечивать злоупотребления".¹

Согласно Гельвецию, Монтескье с большим мастерством создал сплавы истины с заблуждением и что опаснее всего большие дарования и прекрасный стиль автора „Духа законов“ будут содействовать широкому распространению и укоренению его заблуждений. В письме к Сорену Гельвеций не скрывает свои опасения, что Монтескье может стать серьезной помехой для истинного просвещения голов. „Чем меньше критиков и серьезных судей Монтескье,—пишет Гельвеций,—тем больше я боюсь, чтобы он надолго не сбил бы нас с пути“.²

Возвращаясь к примиренческому отношению Монтескье к феодализму, Гельвеций не может скрыть своего разочарования, видя, с какой обстоятельностью Монтескье изучает историю феодальных отношений и законов, стремясь показать необходимый и разумный характер их возникновения и отсутствие узурпации в системе феодализма. Особое недовольство Гельвеция вызывают XXX и XXXI главы „Духа законов“ („Теория феодальных законов франков в их отношении к установлению монархии“ и „Теория феодального права франков по отношению к изменениям, последовавшим в их монархии“). Заключающиеся в этих главах рассуждения Монтескье он воспринимает не только как констатацию исторических фактов, характеризующих становление феодальных правопорядков, но и как некое их оправдание. Гельвеций отказывается видеть что-либо разумное, справедливое, истинно-правовое и тем самым поучительное не только в законах о ленной зависимости, но и во всех правовых нормах феодального общества. Не без чувства раздражения он пишет Сорену о Монтескье: „Какого дьявола он нам рассказывает относительно договора о ленных владениях (*traite de Fiefs*), чему он нас хочет этим обучить? Является ли это темой, которую мудрый и рассудительный ум должен был избрать для исследования. Какое законодательство можно извлечь из этого варварского хаоса законов, которые были установлены силой и почитаемы по неве-

¹ *Helvétius, Oeuvres*, t. III, p. 261.

² *Ibid.*, p. 262.

жеству и, которые всегда будут противопоставляться разумному порядку вещей.¹ Это же обвинение Гельвеций бросает Монтескье, заявляя, что автор „Духа законов“ приписывает феодальному миру разум и мудрость, которых этот мир в действительности лишен. Нетрудно в этих рассуждениях заметить идеалистический характер исторических и правовых представлений Гельвеция. Он наивно противопоставляет правовые нормы насилию, будучи не в состоянии понять, что в любом классовом-антагонистическом обществе правовые нормы не могут не быть выражением классового насилия.

Столь же необоснованными являются упреки Гельвеция по адресу Монтескье за попытки последнего обнаружить необходимый, а, следовательно, и разумный характер существовавших и существующих законов. Следует ли специально оговаривать, что Монтескье, также стоявший на идеалистических позициях, был не в состоянии вскрыть реальные, материальные основы существования тех или иных законов. Но сама эта попытка отказаться от взгляда на образование законов, как на нечто произвольное и случайное, была правильна в основе своей и имела прогрессивный характер.

Гельвеций в данном вопросе бесспорно отдавал дань распространенному среди просветителей заблуждению, согласно которому все прошлые тиранические формы правления и их законы являются результатом произвола и невежества и тем самым не заслуживают никакого внимания со стороны исследователя.

Здесь отчетливо обнаруживался антиисторизм Гельвеция и других французских материалистов, которые, охваченные ненавистью к феодальным порядкам, как указывал Энгельс, „на средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, причиненный тысячеletним всеобщим варварством“.²

Но в одном Гельвеций был решительно прав. Автор „Духа законов“, рассматривая необходимый характер возникновения феодальных отношений и законов, не замечал или не хотел заметить что в современных ему условиях эти отношения и законы столь же необходимым образом стали неразумными и поэтому должны быть устранены. И действительно. Монтескье не только не ополчался против прав и привилегий феодальной знати, но вслед за Локком пытался оправдать и узаконить их,— правда, ограничивая и уравновешивая их правами и привилегиями народа, вернее сказать буржуазии. „Во всяком государстве,— писал Монтескье,— есть люди, отличающиеся преимуществами рождения, богатства или почестей: и если бы они были смешаны с народом, если бы у них, как и у прочих, было бы по одному только голосу, то общая свобода стала бы для них рабством, и они не имели бы никакого интереса защищать ее, так как большая часть решений была бы направлена против

¹ *Helvétius, Oeuvres, t. III, p. 266*

² *К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XIV, стр. 648—649.*

них. Поэтому доля их участия в законодательстве должна быть поставлена в соответствии с другими преимуществами, которые они находят для себя в государстве, и это может быть достигнуто в том случае, если из них будет образовано особое собрание, которое имело бы право отменять решения народа, как народ имеет право отменять его решения".¹ Точно также Монтескье оправдывал неподсудность феодальной знати обычному суду, решительно осуждал всякие посползновения на земельные и прочие богатства аристократии.

Все эти и подобные высказывания необходимо вытекали из политической концепции Монтескье, который основу политической свободы видел не в упразднении сословий, их прав и привилегий, а, напротив, в строгом соблюдении сословного деления и сословного представительства, как гарантии против деспотического произвола. Так, наличие богатого и привилегированного дворянства Монтескье считал противовесом, сдерживающим якобы перерождение сословной монархии в деспотизм. Дворянство и духовенство он оценивал, как посредников между монархом и народом и считал их средствами для ограничения деспотизма.

Со всей решительностью Гельвеций выступил против этой концепции Монтескье. Он исключал свободу там, где существуют аристократы: „сколько аристократов,—заявляет Гельвеций,—столько же деспотов“.² Говоря о грядущем лучшем порядке, Гельвеций представлял этот будущий строй свободным от сословного деления и сословного неравенства. Отражая более радикальные и зрелые чаяния предреволюционной французской буржуазии, Гельвеций отстаивает необходимость уничтожения феодально-сословного деления общества и установления общественного строя, где все будут равны перед законом и люди будут выступать не как члены того или иного сословия, а как равноправные граждане единого государства.

„Дух сословности,—пишет Гельвеций,—нас всячески порабощает. Под именем сословия выпячена сила, действующая в ущерб понятию общества. Мы управляемся системой захватов, осуществляемых на основе наследственного права. Под именем французов существуют лишь корпорации личностей, но нет ни одного человека, который заслуживал бы названия гражданина“.³

Весьма характерно также примечание, которое делает Гельвеций к тому месту „Eloge de Montesquieu“, где Даламбер воспроизводит мысль Монтескье о том, что право на древние наследственные владения составляет одно из наиболее существенных и незыблемых прав, посползновение на которое было бы несправедливым и

¹ Монтескье, „Дух законов“, изд. 1900 г., стр. 160

² Oeuvres complètes de Montesquieu avec notes d'Helvétius sur l'Esprit des lois, a Paris chez Pierre Didot l' aîné, 1795, t. I, p. 149.

³ Helvétius, Oeuvres, t. III, p. 267.

опасным. Не без иронии Гельвеций замечает, что эти утверждения „будут признаны превосходными со стороны тех, которые обладают привилегиями“. „Но не является ли абсурдным, спрашивает он, чтобы люди не были равны перед законом, когда они являются равными в глазах природы“.¹

Коренным образом Гельвеций расходится с Монтескье в оценке роли господствующих феодальных сословий. Если Монтескье, как мы уже отметили, расценивал посредников—дворянство и духовенство—как силу, ограничивающую деспотизм и гарантирующую политические свободы, то Гельвеций, напротив, считал их главной причиной бедствий народа и опорой деспотизма.

„...Под посредниками,—писал он,—я подразумеваю членов обширной аристократии—дворян и духовенство—голова которой находится в Версале. Только по праву рождения, не имея иных прав, не обладая талантами и заслугами, эта аристократия самовольно узурпирует все функции власти, превышает ее, ставит в зависимость от нее даже короля, которого она умеет заставить сменить министра, не соответствующего ее интересам“.²

В этой изумительной по своей глубине констатации существующего положения вещей, в угадывании природы феодального государства, в понимании того, что реальная власть выражает волю господствующих феодальных сословий, молодой Гельвеций намного превосходит автора „Духа законов“. Он предвосхищает линию политического поведения французской революционной буржуазии, которая в отличие от английской найдет в себе достаточно сил, чтобы встать во главе народа и повести истребительную, бескомпромиссную войну против феодализма, против всех его пережитков.

С начала и до конца письмо Гельвеция к Монтескье дышит непримиримой враждой к господствующим феодальным сословиям, которые, захватывая львиную долю народного дохода, обрекают на голод и нищету миллионы тех, кто производит материальные ценности. Он с возмущением констатирует, что „все источники общественного дохода тысячью каналами поглощаются феодалами, которые неизменно обращают его в свою пользу“.³

Гельвеций обращает внимание Монтескье на страшную по своим последствиям социальную поляризацию во Франции. „Часть нации,—пишет он,—обогащается за счет несчастья другой ее части. Наглое дворянство закабляет народ и даже король, которому оно льстит, не понимая того, поработен этой силой“.⁴

Последняя мысль свидетельствует о том, что Гельвеций, как и многие другие просветители, не теряли наивной веры привлечь короля

¹ *Montesquieu, Oeuvres complètes*, p. 63.

² *Helvétius, Oeuvres*, t. III, p. 263.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibidem.*

на сторону третьего сословия и сделать его орудием борьбы против феодальной знати. Возможно в этом убеждении их укрепляло суждение по аналогии, неисторический подход к прошлой истории и, в частности, истории Франции, когда абсолютизм в борьбе против феодальной знати часто опирался на низы. Вот почему, как и в вышеприведенном высказывании, Гельвеций зачастую и короля считает пленником господствующих феодальных сословий.

„В стране, управляемой причудами одного шефа,—пишет далее Гельвеций,—посредники (феодальная знать. Х. М.) стремятся обмануть и помешать ему слышать голос и жалобы народа на злоупотребления, чинимые в интересах этих посредников. Есть ли опасность в том, что народ жалуется? Нет, опасно то, что его не слушают. В этих условиях единственно опасными людьми являются те, кто мешает слушать народ. Зло достигает своего кульминационного пункта, когда, несмотря на обман посредников, до короля доходят крики его народа. Если властитель не предпринимает быстрых мер, то крушение империи не за горами“.¹ В последней фразе нельзя не почувствовать достаточно приглушенное оправдание законности революции, если не удовлетворяются жизненные требования народа.

Нетрудно после всего сказанного догадаться, каково должно было быть отношение Гельвеция к учению Монтескье о разделении законодательной, исполнительной и судебной власти, как гарантии политических свобод. Гельвеций рассматривал это учение, как выражение компромисса между аристократией и народом (точнее буржуазией), и поскольку он не признавал никаких особых прав и привилегий за аристократией и ратовал за уничтожение сословного деления общества, постольку он не мог переоценивать значение и роль теории разделения властей. Известно, что эта теория Монтескье имела своей основой несколько идеализированные английские порядки, бесспорно, более передовые по сравнению с абсолютистским режимом дореволюционной Франции. Но в том то и дело, что Гельвеций отражал настроения более радикально настроенных масс французской буржуазии и не хотел, подобно Монтескье, считать компромиссный английский социально-политический режим образцом.²

¹ *Helvétius. Oeuvres*, t. III, p. 263.

² Справедливость требует указать, что Монтескье, идеализируя Англию как страну, где, по его мнению, в результате разделения законодательной, исполнительной и судебной властей достигнута высшая степень политической свободы, не закрывал глаза на некоторые пороки, способные современем разрушить все здание английской государственной системы. Как в *Notes sur l'Angleterre*, так и в „Духе законов“, он сам указывал на причину, все больше и больше подтачивающую основы власти.

„Все человеческое,—писал Монтескье,—имеет конец. Государство (Англия. Х. М.), о котором мы говорим, утратит свою свободу и погибнет, как погибли Рим, Лакедемония и Карфаген. Погибнет же оно, когда законодательная власть окажется более испорченной, чем исполнительная“ („Дух законов“, кн. XI, стр. 187).

„Я Вам говорил,—заявляет Гельвеций Монтескье,—и еще раз повторяю, мой дорогой друг, что Ваши комбинации относительно властей только обособляют и осложняют частные интересы (*interests individuels*) вместо того, чтобы их объединить. Пример английского правления Вас обольстил. Я далек от мысли считать эту конституцию совершенной. Я мог бы многое Вам сказать по этому вопросу. Повременим, как говорил Локк, пока пороки этой конституции покажут ее изъянку и дадут нам почувствовать опасности, таимые в ней. Когда подкуп, ставший необходимым, чтобы преодолеть косность верхней палаты, будет перенесен министрами и в нижнюю палату, и все перестанут его стыдиться, тогда только станет очевидным опасность вашего равновесия властей и тогда придется постоянно нарушать его, чтобы ускорить или замедлить ход столь сложной машины. В действительности, разве не случалось в наши дни прибегать к налогам, чтобы подкупить парламенты, которые дают королю право облагать народ налогами“.¹

Неудовлетворенность английскими политическими порядками и их критика знаменовала очень серьезный политический рост молодого Гельвеция, если помнить, что образец английского конституционно-монархического правления, несмотря на те или иные упреки и оговорки был и остался пределом политических мечтаний представителей старшего поколения просветителей—Монтескье и Вольтера.

Продолжая критику теории разделения властей и их прообраза—конституционно-монархическую Англию, Гельвеций заявляет: „Даже свобода, которой наслаждается английский народ, обусловлена не принципами его конституции, а скорее двумя-тремя от нее независимыми хорошими законами, которых французы могли бы иметь и которые одни были бы в состоянии сделать их правительство более сносным. Но мы далеки еще от того, чтобы претендовать на это. Наши священники очень еще фанатичны, а наши дворяне очень невежественны, чтобы стать гражданами, почувствовать преимущества этого состояния и образовать нацию. Каждый знает, что он раб, но живет с надеждой стать господином рабов в свою очередь“.² Гельвеций считает бессмысленным и тщетным горячо отстаиваемое Монтескье разделение властей, пока не произведены коренные преобразования основ общественной жизни, пока не уничтожены законы, которые санкционируют сословное неравенство людей, порабощение большинства народа привилегированными сословиями. Революция 1789 года подтвердила правоту Гельвеция. Идеи Монтескье о разделении властей могли найти свое отражение в конституции лишь после совершенного социального и политического переворота.

¹ *Helvétius. Oeuvres*, t. III, p. 262.

² *Ibid.*, p. 263.

Существенным образом Гельвеций расходится с Монтескье в определении и оценке родов правления. Как известно, Монтескье указывал на три рода правления: *республиканское*, при котором верховная власть находится в руках или всего народа или части его, *монархическое*, когда управляет один человек, но посредством неизменно установленных законов и, наконец, *деспотическое*, когда также правит один человек, но помимо всяких законов, руководствуясь лишь одной своей самодержавной волей.

Гельвеций не соглашается с принципиальным различием монархического правления и деспотического. Он предлагает более простое и истинное различие форм правления: монархическое и демократическое. На полях книги Монтескье он делает следующее замечание: „Когда управляемые не могут отразить гнета тех, которые плохо правят, это есть деспотизм; когда они могут—это есть демократия. Я не вижу разницы между монархическим и деспотическим правлением. Вся разница между ними сводится лишь к степени просвещенности и доброй воли того, кто правит“.¹ К этой же мысли Гельвеций возвращается в связи с заявлением Монтескье, что в деспотических государствах, где нет основных законов, нет также и учреждений для их охраны. „Где они, эти основные законы в монархии!“²—воскликает Гельвеций. „Кто может не видеть, что в монархиях дело обстоит точно так же...“³. Какой смысл и значение могут иметь законы для охраны свободы личности при монархическом правлении.—пишет Гельвеций,—если „интерес и воля одного человека могут нарушать, игнорировать или уничтожать эти законы“.⁴

Если Гельвеций возражает против принципиального различия монархии и деспотии, то столь же неприемлемой он считает попытку Монтескье объединить под единым термином республиканское правление и аристократию и демократию.⁵ Критикуя главу „О законах, относящихся к природе аристократии“, Гельвеций замечает, что Монтескье „в этой главе, желая объединить демократию и аристократию под одним определением, смешивает Афины, Рим и Венецию“.⁶ Тот факт, что в аристократическом правлении, так же, как и в демократическом, верховная власть принадлежит не одному человеку, а многим, не дает, по мнению Гельвеция, основания отнести их, по их содержанию, к одному и тому же республиканскому роду

¹ *Montesquieu, Oeuvres complètes*, t. 1, p. 135.

² *Ibid.*, p. 136.

³ *Ibid.*, p. 157.

⁴ *Ibid.*, p. 152.

⁵ „Если в республике,—писал Монтескье,—верховная власть принадлежит всему народу, то это—*демократия*. Если верховная власть находится в руках части народа—это называется *аристократией*“ (*„Дух законов“*, кн. II, гл. II, стр. 12—13).

⁶ *Montesquieu, Oeuvres compl.*, t. I, p. 151.

правления. Согласно Гельвещию, аристократическое правление, по своему содержанию и характеру, ближе к монархическому, чем к демократии. „Монархия,—замечает Гельвещий,—является разновидностью аристократии“.¹ Он очень низкого мнения об этой форме правления и упрекает Монтескье: „Аристократия является дурным управлением, к чему же приписывать ему законы“.²

Гельвещий—противник формального определения родов правления и требует изучения содержания власти, выяснения ее качеств, соответственно тому, насколько та или иная власть обеспечивает счастье большинства граждан данного государства. Это является определяющим принципом для Гельвещия в оценке тех или иных форм правления. „Несовершенным правительством,—с его точки зрения,—является то, которое не ведет к счастью людей“.³ „Мой дорогой президент,—пишет Гельвещий автору „Духа законов“,—я кончаю признанием, что никогда хорошо не понимал этих тонких, столь часто повторяемых рассуждений относительно различных форм правления. Я знаю лишь два из них: хорошие и плохие. Хорошие, которые еще подлежат осуществлению и плохие, весь смысл которых заключается в том, чтобы перекачать средства управляемых в карманы управляющих. И то, что прежние государства добивались насилием, то новые более верно добиваются фискальной системой. Это—единственная разница, существующая между ними“.⁴

В нескольких фразах Гельвещий формулирует свой идеал добродетельной власти. „Я верю,—пишет он Монтескье,—в возможность существования хорошего правительства, где свобода и собственность народа будут уважены, где общий интерес без помощи ваших равновесий будет вытекать из частного интереса. Это будет простой машиной, пружины которой, удобные для управления не будут нуждаться в сложной системе зубчатых колес и противовесов, столь трудно поддающихся усвоению со стороны неловких людей, которые чаще всего берутся управлять“.⁵ Но к какому из указанных Монтескье родов правления относится эта добродетельная власть, охарактеризованная Гельвещием? Мы видели уже, что он отвергает монархическое правление, как принципиально отличающееся от деспотии, отвергает также и аристократическое правление, как родственное по содержанию монархии. Нетрудно догадаться, что симпатии Гельвещия на стороне республиканского правления. Он пишет: „Быть управляемым сенатом, который является выборным, который может быть распущен, действия которого могут быть расследованы и осуждены,—это быть может наиболее мудрое правление в особенности если народ просвещен“.⁶

¹ Ibid., p. 146.

² Ibid.

³ Ibid., p. 182.

⁴ *Helvétius, Oeuvres*, t. III, p. 264.

⁵ Ibid.

⁶ *Montesquieu, Oeuvres compl.*, t. I, p. 147.

Следует, однако, заметить, что ни в рассматриваемых письмах и критических замечаниях, ни в дальнейшем, в книгах „Об уме“ и „О человеке“ Гельвеций не развил и не обосновал идею республики. Несмотря на все симпатии к республиканской форме правления, впрочем не чуждые и Монтескье, Гельвеций, как и почти все остальные просветители, признавая теоретически все преимущества республики, не считал ее практически осуществимой. Известно, что даже Руссо, наиболее радикальный политический мыслитель века, обосновывая идею народовластия, считал республиканскую форму правления пригодной лишь для малых народов. Характерно также, что такие выдающиеся деятели французской буржуазной революции конца XVIII века, как Марат и Робеспьер, пришли к идее республики уже в период самой революции.

Решительным образом отвергая всякие рассуждения Монтескье в защиту сословной монархии, Гельвеций вместе с тем, даже в позднейшие периоды своей деятельности, не сумел отбросить абстрактный, утопический идеал просвященного монарха, оберегающего интересы народа, служащего народу. Правда, Гельвеций, как и Дидро, вкладывал в понятие просвещенного абсолютизма такое широкое демократическое содержание, что вот понятия абсолютизма, монархии по существу мало что оставалось.¹

Подводя некоторый итог гельвецианской критике политических взглядов Монтескье, следует отметить, что в этой критике Гельвеций показывает себя более радикальным мыслителем, значительно опередившим автора „Духа законов“ в защите более зрелого революционно-буржуазного идеала об обществе, свободного от феодально-сословного деления, от паразитических феодальных сословий, от всех уз, сковывающих деятельность личности. С большой смелостью и прямолинейностью он отстаивает ряд принципов буржуазной демократии и, в частности, идею равенства, ограничивая ее, конечно, формальным равенством граждан перед законом и отвергая мысль об имущественном развенстве людей.²

Само собой разумеется, что горячо отстаиваемый Гельвецием „разумный строй“ оказался идеализированным царством буржуазии, новой разновидностью эксплуататорского общества, обрекшего подавляющее большинство своих членов на беспощадную и бесчеловечную капиталистическую эксплуатацию.

¹ Олар замечает: „Если Дидро, Гольбах и Гельвеций не требовали республики, то они все-таки ослабили и дискредитировали королевскую власть или нападая на нее непосредственно или подрывая религию. Из сочинений этих исследователей вытекала та мысль, ставшая тогда почти популярной, что нация выше короля, а разве это не республиканская мысль?“ (А. Олар, „Политическая история французской революции“. Москва, 1938, стр. 22).

² „Равенство богатств.—пишет Гельвеций,—химера. Раздел земель и на практике, и как закон ничего не стоит“ (Montesquieu, Oeuvres compl., t. II, p. 135).

Разумное государство Гельвеция восторжествовало как буржуазная лжедемократическая республика, являющаяся ничем иным, как замаскированной диктатурой буржуазии, орудием подавления всех устремлений, поработанных капиталом масс к подлинной свободе и к подлинному равенству.

Тем не менее в условиях борьбы против феодальных форм эксплуатации, против средневековой системы порабощения личности, против абсолютизма, защищаемые Гельвецием идеи выражали ход общественного прогресса и носили исторически прогрессивный характер.

* * *

Чтобы исчерпать важнейшие критические замечания Гельвеция на „Дух законов“ следует остановиться также и на тех, которые направлены против социологических принципов Монтескье.

Одно из первых замечаний Гельвеция свидетельствует уже о расхождении в самом методе исследования общественных явлений. Рационалист Монтескье в предисловии к своему труду заявляет, что он „установил общие принципы и увидел, что частные случаи как бы сами собой подчинялись им, что история всех народов вытекала из них, как следствие, и всякий частный закон входил в связь с другим законом или становился в зависимость от другого, более общего закона“. Гельвеций возражает против подобной абсолютизации дедуктивно-рационалистического метода исследования и указывает, что „часто это самый плохой метод“.¹

Одним принципиальным замечанием Гельвеций выражает всю свою неудовлетворенность первой главой первой книги „Духа законов“, где автор рассматривает вопрос о законах в их отношении к различным существам. В этой главе Монтескье с деистических позиций нападает на атеизм, отрицающий существование верховного и разумного существа, сотворившего мир и управляющего им по необходимым законам. Коль скоро,—утверждает Монтескье,—существуют разумные существа, то было бы нелепостью отрицать и их разумную правопрочину—бога, относящегося к миру как его создатель и охранитель. „Итак,—заключает он,—есть первоначальная причина всего; законы же—это отношения, существующие между нею и различными существами и взаимные отношения этих разумных существ“.²

„Какая метафизика“³,—воскликает Гельвеций, читая эти строки о боге, как о первоначальной причине всего. Характерно, что Кейм, достаточно обильно цитирующий высказывания Гельвеция о

¹ Oeuvres compl. de Montesquieu avec des notes d'Helvétius sur l'Esprit des lois A Paris, chez Pierre Didot l'aîné, 1795, t. I, p. 112.

² Монтескье, „Дух законов“, стр. 5.

³ Montesquieu, Oeuvres compl., t. I, p. 120.

„Духе законов“, обходит молчанием это принципиальное замечание, отвергающее исходный деистический принцип Монтескье.

Гельвеций расходится с автором „Духа законов“ и в понимании естественного состояния, под которым он подразумевает состояние людей до образования общества. Согласно Монтескье, прежде чем размышлять о начале своего бытия, человек, находясь в естественном состоянии, должен был подумать о сохранении своего существования. Он должен был чувствовать свою слабость и быть чрезвычайно робким и пугливым. Стремление напасть на другого человека должно было быть ему чуждым. „Отсюда,—заключает Монтескье,—мир является первым естественным законом человека“. Нетрудно видеть, что это исходное положение Монтескье диаметрально противоположно утверждению Гоббса о том, что в естественном состоянии „человек человеку волк“ и первым законом является не мир, а „война всех против всех“.

„Желание властвовать друг над другом, которое Гоббс приписывает первобытным людям, пишет Монтескье, не может быть оправдано рассуждением. Идея власти и господства до того сложна и зависит от такого множества других идей, что не может быть первой по времени идеей человека“.¹ Таковой, как мы видели, является согласно Монтескье, идея первобытного человека о своей слабости и продиктованное ею стремление к миру.

Ощущение человеком своих нужд и стремление к добыванию пищи Монтескье считает вторым естественным законом.

Страх побуждает первобытных людей удаляться друг от друга, но, однако, обнаружение факта взаимности этого страха скоро вызывает в них влечение к сближению. Отсюда,—пишет Монтескье,—возникают отношения, основанные на взаимном упрощении, что составляет третий естественный закон. Наконец, продиктованное разумом желание жить в обществе есть четвертый естественный закон. Такова картина естественного состояния человека, дедуцированная Монтескье чисто рационалистическим путем.

Гельвеций считает неправильным приписывание естественному человеку чувств страха, как первейшего чувства. „Почему,—замечает он,—человек в естественном состоянии не должен был почувствовать также свою силу и отвагу, пропорционально власти своих нужд и своим ресурсам“.² По мнению Гельвеция не страх и, обусловленное им, стремление к миру являются первым естественным законом человека. „Первый закон всех существ—это удовлетворение своих нужд“. Именно это стремление к удовлетворению своих нужд толкает людей к взаимному общению и помощи и обуславливает равенство и мир, характеризующих естественное состояние. Таким образом, не соглашаясь с Гоббсом, Гельвеций не согласен так-

¹ Монтескье, „Дух законов“, стр. 9.

² Montesquieu, *Oeuvres compl.*, t. 1, p. 125—126.

же с Монтескье, который пытается отодвинуть на второй план стремление человека к удовлетворению своих реальных физических потребностей, являющихся, по мнению Гельвеция, первейшей и важнейшей основой всех действий человека и исходным началом развития человеческого общества.

Не согласен Гельвеций также с утверждением Монтескье, что „соединившиеся в общества люди утрачивают сознание своей слабости“ и что „существовавшее между ними равенство исчезает и между ними начинается война“.

В такой безапелляционной форме это утверждение должно было показаться Гельвецию, охваченному стремлением к разумной реорганизации общества, принципиальным отрицанием возможности равенства и мира в человеческом обществе. Он замечает: „Образование общества не прекращает или по крайней мере не должно было уничтожать равенство, напротив, общество должно было укрепить и защитить его. Размышление должно предугадать и предвидеть чем должен стать человек и какую форму примет общество, когда разум будет усовершенствован“.¹

В критике социологических принципов Монтескье, Гельвеций сам не переступает пределы идеалистического понимания истории, но применение им сенсуалистического принципа к объяснению общественных явлений, решительное выпячивание борьбы человека за удовлетворение своих материальных потребностей, как основы основ общественного развития и морали было направлено против бесплодных религиозно-метафизических социологических построений и знаменовало собой серьезный шаг в сторону реалистического осмысления социальной жизни и тем самым расчищала путь к материалистическому пониманию истории. Следует отметить также, что все критические замечания Гельвеция против рассуждений Монтескье о принципах и законах развития общественной жизни являются замечаниями мыслителя, стоящего уже на более радикальных позициях борьбы против феодального общества и с большей решительностью отстаивающего демократические начала. Вот почему обобщая свои замечания относительно первой книги „Духа законов“, Гельвеций пишет: „Эта книга написана в духе слабой и темной метафизики. В ней автор нигде не восходит до истинного источника законов, который кроется в правильно понятой природе человека“.

* * *

Критика „Духа законов“, данная Гельвецием в рассмотренных нами письмах и примечаниях, нашла свое дальнейшее развитие и углубление на страницах книг „Об уме“ и „О человеке“.

Со всей решительностью отбивая попытки реакционеров осквернить имя автора „Духа законов“ и расправиться с его про-

¹ Montesquieu, Oeuvres compl., t. I, p. 128.

грессивными идеями, Гельвеций вместе с тем продолжает развивать критику Монтескье слева, с позиций собственной, вполне уже сложившейся концепции общественного развития и этики. Не претендуя на сколько-нибудь полное отражение этой позднейшей гельвецианской критики Монтескье, выходящей за пределы темы нашей статьи, мы ограничимся лишь некоторыми ее аспектами.

Мы уже видели, с какой определенностью Гельвеций высказывался за демократическое правление. В книгах „Об уме“ и „О человеке“ он пытается теоретически обосновать решительное превосходство демократии над всеми указанными Монтескье другими формами правления.

Как известно, основой общественной жизни Гельвеций считал стремление людей к удовлетворению своих потребностей, стремление к личному благу. Но правильно понятый личный интерес, согласно Гельвецию, требует неразрывной связи с интересом общественным. Исходя из этого, он провозглашает идеальной властью ту, которая наиболее гармонично сочетает личный интерес каждого гражданина с общественным интересом. Вот с этой меркой он и подходит к оценке различных форм правления: к деспотизму, к аристократии, к демократии.

В деспотическом государстве, учит Гельвеций, для достижения своего личного счастья, власти, человек должен действовать так, чтобы угождать деспоту, интересы которого, как правило, расходятся с интересами общества. Таким образом личный интерес здесь находится в разрыве с общественным интересом и в результате чего процветают самые отвратительные пороки.

Также обстоит дело и в аристократическом государстве. „Властителем здесь является сословие (сoгps) знатных людей. Их цель—удерживать народ в нищете и в постыдном и бесчеловечном порабощении. Но что нужно делать, чтобы угодить им, чтобы добиться их покровительства и заслужить их милости? Соглашаться с их планами, потворствовать их тирании, вечно жертвовать счастьем большинства для счастья горстки меньшинства“. Таким образом, согласно Гельвецию, в аристократическом обществе так же, как и при деспотизме, личность может приобрести свое счастье ценой несчастья других.

Совершенно иначе обстоит дело в государстве, где власть находится в руках всего народа. Здесь личность может добиться благосклонности власти, личного счастья, содействуя счастью всего народа.

Опровергая учение Монтескье о различных специфических движущих началах в различных государственных формах (страх—в деспотических государствах; честь—в монархических, и, наконец, добродетель—в республиканских), Гельвеций пишет: „Если бы Монтескье глубже продумал эти факты, то он понял бы, что во всех странах люди одинаково испытывают любовь к власти, но власть

эта достигается различными способами, в зависимости от того, сосредоточена ли верховная власть, как на Востоке, в руках одного человека, делится ли она, как в Польше, среди сословия вельмож или как в Риме и в Спарте, равно распределена между различными сословиями государства. Он понял бы, что люди обязаны своими пороками и добродетелями различным способам, какими приобретает власть и что они не любят справедливости ради самой справедливости".¹

Нетрудно видеть много уязвимых мест в аргументациях Гельвеция. Так, например, он совершенно ошибочно республиканский государственный строй рабовладельческого Рима и Спарты рассматривает „как правительство всей нации“. Столь же ошибочным является основная теоретическая посылка Гельвеция, который, непомерно раздувая и абсолютизируя чувство себялюбия, провозглашает его побудительным мотивом всех человеческих поступков, движущим началом общественного развития. Но в данном случае нас интересует его отношение к демократии, а приведенные его высказывания свидетельствуют, с какой убежденностью и насколько решительнее Монтескье он ее защищает.

Столь же решительными становятся его нападки на деспотизм. Едва намеченные в ранних трудах Гельвеция идеи о справедливости неповиновения деспоту вырастают в книге „О человеке“ в более или менее цельную концепцию о законности противопоставления деспотическому насилию насилия поработенных.

Чтобы по достоинству оценить все значение шага, который делает Гельвеций в вопросе о необходимости уничтожения деспотической формы правления, следует вспомнить отношение Монтескье к этому вопросу. Автор „Духа законов“ склонялся к мысли о беспечности и противозаконности искусственного, насильственного обрывания жизни той или иной возникшей и сложившейся государственной формы. Сопrotивление существующим политическим порядкам допустимо с точки зрения Монтескье лишь в одном случае, когда сами власти пытаются изменить государственную форму, ее основные законы. Даже столь робко выраженную мысль о противодействии властям Монтескье не осмелился высказать в какой-нибудь из своих работ, предназначенных для печати. Эту мысль мы встречаем в черновых его набросках, опубликованных много позднее смерти Монтескье.²

В книге „О человеке“ Гельвеций с ядовитой иронией пишет: „Сопrotивление власти имущим считается бунтом и преступлением в цивилизованных странах. Нет лучшего доказательства этого фак-

¹ Гельвеций. „О человеке, его умственных способностях и его властолюбии“. Москва, 1928, стр. 160.

² Там же.

³ См. „Pensées et fragments inédits de „Montesquieu, publiés par le baron Gaston de Montesquieu“, p. 381.

та, чем жалоба, с которой один английский купец обратился в палату общин: „Милостивые государи,—сказал он,—вы не можете представить себе вероломства, которое проявляют к нам негры. Злоба жителей некоторых африканских берегов так велика, что они предпочитают смерть рабству. Когда их покупают, они закалывают себя кинжалом или бросаются в колодцы. Для покупателя это чистый убыток. Судите на основании этого об испорченности этой проклятой расы“.¹

Но Гельвеций не довольствуется лишь ироническими замечаниями. Он достаточно недвусмысленно ставит вопрос о законности восстания против тирании и насильственного ее свержения. „Если какое-нибудь правительство,—пишет Гельвеций,—становится чрезмерно жестоким, беспорядки носят тогда благотворный характер... Освобождение народа от рабства стоит иногда государству меньше людей, чем их погибает на каком-нибудь плохо организованном публичном празднестве“.² Далее идут заявления не менее категоричные: „Если народ,—пишет Гельвеций,—попадает под иго деспотизма, то требуется усилие, чтобы избавиться от него и эти усилия в данный момент—единственное благо для несчастных. Верх несчастья это не иметь возможности избавиться от него и страдать, не смея жаловаться. Найдется ли столь жестокий и глупый человек, чтобы назвать мирным принужденное молчание и спокойствие рабов? Это—мир, но мир гробниц“.³

В вопросе о законности революции Гельвеций решительно отмежевывается от Монтескье, чтобы с той же решительностью приблизиться к точке зрения Руссо. В полном единодушии с автором „Общественного договора“ Гельвеций заявляет:

„Всякий акт самовластия несправедлив. Власть, добытая силой и сохраняющаяся при помощи силы, это такая власть, которую сила вправе отвергнуть. Как бы ни назывался враг народа, последний всегда вправе вступить с ним в борьбу, и уничтожить его“.⁴

Но быть может рассуждения Гельвеция о законности революции не выходят за пределы приведенной уже нами мысли Монтескье о справедливости восстания, если только сам правитель изменяет существующую политическую форму и существующие законы? Нет, здесь идет речь о совершенно различных вещах, ибо Гельвеций, в отличие от Монтескье, считал незаконным одно уже существование деспотической власти и законным всякое восстание против нее, независимо от того, совершает или не совершает существующая деспотическая власть какое-нибудь изменение в формах правления или законах.

¹ Гельвеций, „О человеке“, стр. 190.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 360.

„Ни одно общество,—пишет Гельвеций,—во время своего основания не вручило и не могло вручить одному человеку власть распоряжаться по произволу имуществом, жизнью и свободой граждан. Всякое самовластие есть узурпация, против которой народ может всегда выступить...

Всякий народ,—заявляет Гельвеций,—стонущий под игом самовластия, вправе сбросить его. Священные законы—это законы, соответствующие общественному интересу. Всякий противоречащий этому закон—не закон, а облаченное в форму закона злоупотребление“.¹

Гельвеций, конечно, был далек от мысли рассматривать революционные переходы от одной формы власти к другой, как необходимые, закономерные явления в развитии общества от низшего к высшему. Больше того, он, часто выступая в противоречие с собственными высказываниями, заявлял, что революционных взрывов можно избежать, если монарх будет чутко прислушиваться к жалобам своих подданных, устранять злоупотребления, осуществлять целесообразные реформы и т. п. Но наряду с этим, как мы видели, Гельвеций признает право народа на революцию, когда нет иных средств, чтобы спасти себя от окончательного порабощения. Вот почему глубоко заблуждается Кейм, когда он утверждает, что и Монтескье и Гельвеций были одинаковыми противниками насильственного изменения существующего порядка.

Приводя мысль Гельвеция о том, что посредники, мешая королю слушать жалобы подданных, толкают их к восстанию, Кейм на вопрос „означает ли это признание Гельвецием насилия и переворота?“—категорически отвечает: „Ни в какой степени. Он ученик Вольтера и ничего не желает слушать о беспорядках“.²

Приведенные нами высказывания самого Гельвеция о революции показывают степень „объективности“ суждения Кейма, которому так и не удалось уразуметь, как далеко и в общефилософских и в политических своих взглядах Гельвеций опередил Монтескье и Вольтера.

В своих позднейших трудах Гельвеций намного углубил и обосновал также свою первоначальную критику сословного неравенства людей. В книгах „Об уме“ и „О человеке“ он камня на камне не оставляет от аргументов о преимуществах одних людей над другими по праву знатности происхождения. Все люди равны от рождения. Все они рождаются с одинаковыми умственными способностями, ибо ум, согласно Гельвецию, есть совокупность знаний, приобретаемых с помощью органов чувств, а органы чувства одинаковы у всех людей.

„Если все умственные операции,—писал Гельвеций,—сводятся

¹ Гельвеций, „О человеке“, стр. 396.

² Кейм, „Helvétius...“, p. 159.

к тому, чтобы сознать, вспоминать и наблюдать соотношения различных предметов между собой или между ними и нами, то, очевидно, что так как все люди одарены остротой восприятия памятью, и, наконец, способностью внимания, необходимыми для того, чтобы подниматься к самым высоким идеям, то среди лиц, в среднем нормально организованных, нет ни одного, который не смог бы прославить себя великим талантом¹.

Но, если люди при рождении лишены всяких врожденных идей и обладают одинаковой биологической организацией, то почему во взрослом состоянии они проявляют столь различные способности и так различаются между собой? Только в результате различного ими полученного воспитания—отвечает Гельвеций,—понимая под воспитанием влияние среды в целом и, в первую очередь влияние господствующего политического порядка на формирование индивида.

„Умственное неравенство, наблюдаемое в людях,—пишет Гельвеций,—нисколько не зависит от большего или меньшего превосходства их организаций, но от различного воспитания, различных условий, в которых люди поставлены...“²

Идея о зависимости духовной жизни человека от внешней среды пронизывает всю систему теоретико-познавательных, социологических, этических, эстетических и педагогических взглядов Гельвеция. Последний, конечно, не сумел правильно определить само понятие среды, под которой, в первую очередь, подразумевал политический строй, совокупность господствующих политических учреждений и законов, не догадываясь, что сама политическая надстройка определяется материальными условиями производства. Не говоря о других существенных недостатках в понимании Гельвецием взаимодействия между средой и личностью, достаточно отметить, что эта проблема трактовалась им весьма созерцательно. Всемерно подчеркивая роль среды в формировании индивида, Гельвеций оставлял в тени вопрос роли активного воздействия человека на внешнюю среду и изменение человека в этом процессе. Гельвеций, конечно, впадал в крайность, как это одним из первых заметил Дидро, отрицая всякое значение индивидуальных особенностей организаций человека и его мозга в формировании духовного склада личности.

Вопрос о среде и личности не мог быть научно решен Гельвецием и его единомышленниками из лагеря французских материалистов, поскольку они в понимании общественных явлений стояли на позициях идеализма. Значительный шаг к правильному решению этого вопроса сделал русский классический материализм XIX века—высшая ступень домарксова материализма—в лице своих великих представителей Добролюбова и Чернышевского. Однако, единственно научно и последовательно эта проблема могла быть и была реше-

¹ Гельвеций, „Об уме“, Москва, 1939, стр. 247.

² Там же.

на в философии марксизма—ленинизма на основе материалистического понимания истории.

Существенные ошибки и недостатки в понимании Гельвецием интересующего нас вопроса, бесспорно, обусловленные исторической и классовой ограниченностью мировоззрения французского мыслителя, не могут, однако, умалить все значение шага, сделанного им. Отстаиваемое Гельвецием учение о решающей роли среды в формировании личности было своим острием направлено против теории врожденных идей, против религиозно-идеалистической попытки рассматривать духовный мир человека как замкнутую систему, наделенного якобы качествами, не испытывающими никакого влияния со стороны внешней среды.

Мораль, основанная на этих лживых началах отрицала обусловленность возможности перевоспитания людей с необходимостью изменения и усовершенствования социальной среды и тем самым отвлекала мысль людей о необходимости революционного преобразования действительности. Эта мораль в утешение рода человеческого могла в лучшем случае оперировать реакционной, пустой, бесплодной и вполне устраивающей господствующие классы идеей „самоусовершенствования личности“.

Не случайно, что современная реакционная, заживо разлагающаяся буржуазная философская мысль со всей яростью отрицает роль среды в формировании личности и рассматривает человеческую душу как автономную сущность, якобы независимую от социально-политических отношений, имеющую свои имманентные принципы бытия и развития. Естественно-научной основой этих антинаучных, мистических измышлений служит вейсманистско-моргановская, с позволения сказать, биология с ее нелепыми, реакционными, фидеистскими попытками рассматривать живой организм как автономную, замкнутую систему, оторванную якобы от среды, независимую в своих наследственных изменениях от этой среды.

Будучи уже не в состоянии скрыть „катастрофу личности“, рост самых разнузданных зоологических инстинктов, преступности, всех форм аморальности в современном смердящем буржуазном мире, идеологи империалистических клик, все эти маритены, дюи, сорокины и прочие лже-гуманисты должны под прикрытием новых слов прибегать к старой, престарой идеалистической, религиозно-поповской побасенки о „самоусовершенствовании и самоочищении личности“ как единственного „выхода“ из создавшегося хаоса и распада. Единственная классовая цель этих заклинаний—отвести массы от той незыблемой марксистско-ленинской истины, что возрождение личности и его подлинный расцвет возможны лишь путем уничтожения капиталистических порядков и революционного перехода к бесклассовому, социалистическому обществу. Блестящим практическим подтверждением этой истины служит опыт великой страны социализма, облик его граждан, их мораль.

Защищаемое Гельвецием учение об активной роли среды в формировании личности не только подрывало основы современной мыслителю религиозно-идеалистической нравственности, но опрокидывало господствующие феодальные предрассудки, согласно которым, создавать законы, управлять государством, командовать армиями, творить духовные ценности могут лишь люди знатного аристократического происхождения, обладающие прирожденными способностями к возвышенным формам мышления и деяния.

Если, как это утверждал Гельвеций, все равны от рождения и обладают одинаковыми задатками к умственной деятельности и если причина неравенства заключается в условиях окружающей среды, то отсюда логически вытекал в высшей степени революционный вывод о необходимости уничтожения неразумной феодальной действительности, которая калечит людей, лишает их возможности стать равным, иметь одинаковые права на счастье, развивать свои способности. Более конкретно учение Гельвеция подводило к мысли, что стоит только упразднить строй жизни, основанный на сословном делении и сословных привилегиях, поставить людей в равные условия жизни, чтобы убедиться в равной их способности, независимо от их сословного происхождения, ко всем, даже наиболее возвышенным и сложным формам труда.

Еще более решительные выводы из учения Гельвеция об умственном равенстве людей, как известно, сделали в дальнейшем утопические социалисты и в первую очередь Оуэн. „Не требуется большого остроумия,—писал Маркс,—чтобы усмотреть связь между учением материализма о прирожденной склонности к добру, о равенстве умственных способностей людей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии высших обстоятельств на человека, о высоком значении индустрии, о нравственном праве на наслаждение и т. д. и коммунизмом и социализмом“.¹

Ни один из французских просветителей XVIII века не подвергался таким суровым гонениям реакционеров, такой озлобленной травле и издевательствам, какому подвергся Гельвеций и ни одна из идей самого Гельвеция не вызвала такого бешеного взрыва негодования и саркастических выпадов, как идея об умственном равенстве людей. Двор, парижский парламент, Сорбонна, сам папа римский, феодальная знать, версальские куртизаны и куртизанки были оскорблены в своих лучших чувствах. Представители господствующих феодальных сословий не могли не видеть чего-то в высшей степени мятежного и святотатственного в утверждении, что простой буржуа может иметь столько же добродетелей, ума и дарований и управлять государством не хуже, чем представители голубой крови и белой кости.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 160.

Фридрих II, разыгрывавший роль философа-просветителя на троне, был „шокирован“ писаниями Гельвеция о равенстве умственных способностей людей и успокаивал себя и других уверенностью, что „опыт“ — этот великий учитель — против Гельвеция и побивает принципы, которых он пытается установить.¹ Но Фридрих зря уповал на опыт. Несколькими десятилетиями позже этот опыт полностью подтвердил правоту Гельвеция. Победившая с помощью народных масс буржуазия сумела заменить аристократов своими людьми на всех важнейших государственных постах управления. Старая Европа была вынуждена со страхом и удивлением смотреть на безродных вилланов, на простых торговцев, на вчерашних портных и кровельщиков, подвизавшихся в роли мудрых государственных деятелей. Хваленные английские, прусские, австрийские, голландские, испанские, сардинские войска, водимые знатнейшими дворянами, ведшие свой род чуть ли не от самого Адама, были вынуждены померить свои силы и бежать под натиском французской революционной армии, которой командовали люди без титулов и фамильных гербов.

Как в период назревания французской буржуазной революции, так и в особенности после ее победы, идеологи аристократии и во Франции и за ее пределами в поте лица пытались „опровергнуть“ и „уничтожить“ всю сумму идей, которые теоретически обосновывали необходимость низвержения феодального строя и вооружали французскую буржуазную революцию. С особым усердием трудились на этом поприще философы немецкой трусливой и половинчатой буржуазии, которая, уstraшенная подготовкой и ходом французской революции, бросилась в лагерь феодальной реакции. Кант и Гегель обрушились на передовые идеи французской революции и в первую очередь на французский материализм. Достаточно отметить, что в „Критике практического разума“ Кант, помимо всего прочего, попытался расправиться с исторически прогрессивной сенсуалистической и утилитаристской этикой, выдающимся представителем которой в XVIII веке был Гельвеций.

Гегель, олицетворявший в области философии аристократическую реакцию на французский материализм и французскую революцию с позиций реакционного пруссачества пытался опровергнуть идею равенства людей, народов и рас, вдохновенным защитником которой выступал в свое время Гельвеций.

Нельзя обойти молчанием, что в дальнейшем идеологи реакционной буржуазии, желая закрепить и увековечить капиталистическую систему с той же страстностью и непримиримостью, как некогда защитники феодальных порядков, отвергали и „уничтожали“ идею Гельвеция о равенстве умственных способностей людей. Доб-

¹ См. Письмо Фридриха II к Вольтеру от 12 августа 1773 г. Voltaire, *Auvres compl.*, t. X, p. 329

ропорядочные буржуа и их ученые бонзы никак не желали допустить, что пролетарии могут быть способны к управлению государством, экономикой, культурой. Были написаны сотни грязных и лживых книг о том, что пролетариат может лишь сокрушить старые порядки, но не способен создать что-нибудь новое.

История еще раз опрокинула домыслы реакционеров. Великая Октябрьская Социалистическая Революция показала, на какие великие творческие деяния способны простые люди из народа, когда уничтожены капиталистические порядки и государственная власть становится властью самого народа.

К чести Гельвеция нужно сказать, что он не ограничился попыткой теоретического обоснования равенства людей, но пошел значительно дальше с желанием доказать равенство народов, их одинаковые интеллектуальные способности. Поставив перед собой эту задачу, Гельвеций не мог не вступить в борьбу против учений, которые были способны увековечить существующее неравенство между народами. В частности он не мог обойти молчанием неприемлемую для него теорию Монтескье о решающей роли климата и почвы в возникновении и существовании разящих контрастов в области политического, экономического и культурного развития различных народов.

И Монтескье, и Гельвеций разделяли общую идеалистическую концепцию о решающей роли политического фактора, законодателя и законодательства в общественной жизни. Политические учреждения и для одного и для другого были теми устоями, которые формируют экономические отношения, обычаи, нравы, культуру, все добродетели и пороки данного народа. Но Монтескье не придерживался последовательно этого принципа и вступая в противоречие с самим собой писал о решающем влиянии климата и почву в образовании законов. Так, в X главе XIV книги „Духа законов“ автор заключал: „От различия в потребностях, порождаемого различием в климатах, происходит различие в образе жизни: а от различия в образе жизни происходит различие в законах“.¹ В XIV главе XIX книги он категорически утверждает: „Власть климата сильнее всех властей“.² Желая выйти из всех этих противоречий Монтескье был вынужден отказаться от единого социологического принципа и отвести решающую роль климату и почве в общественной жизни отсталых, диких народов, сохранял определяющее значение политических форм в жизни цивилизованных народов.

Гельвеций решительно отверг учение Монтескье о роли климата и почвы как определяющих факторов общественного развития.

„Если температура различных климатов,—пишет Гельвеций,—имеет такое влияние на души и на умы, то почему же римляне, столь великодушные, столь мужественные при республиканском прав-

¹ Монтескье, „Дух законов“, стр. 233.

² Там же, стр. 306

лении, стали теперь такими слабыми и изнеженными? Почему греки и египтяне, некогда славившиеся своим умом и доблестью и возбуждавшие восхищение всего мира, теперь вызывают его презрение? Почему азиаты, бывшие мужественными, когда они назывались элсамитами, трусливыми и ничтожными при Александре, когда они назывались персами, стали наводить под именем парфян ужас на Рим в тот век, когда римляне еще ничего не потеряли из своей прежней храбрости и дисциплины?"¹ Согласно Гельвецию, пороки и добродетели тех или иных народов следует объяснить не влиянием климата и почвы, а исключительно характером их государственного строя. Как и все французские просветители он не сумел понять, что государственный строй сам в свою очередь обусловлен материальными условиями производства, совокупностью производительных сил и производственных отношений, составляющей базис общества, но даже с буржуазно ограниченных идеалистических позиций Гельвеций попытался из отрицания решающей роли географических факторов сделать все возможные выводы о равенстве народов и рас.

Все народы, с его точки зрения, обладают равными способностями к совершенствованию. Климат и почва, как показывает опыт истории, не могут иметь такого влияния, чтобы фатально обречь одни народы на дикость и варварство и с такой же фатальностью предопределить расцвет и творческую созидательность других. „Словом,—писал Гельвеций,—повидимому только причинам духовного порядка¹ можно приписать превосходство некоторых народов над другими в области наук и искусств; и можно заключить, что нет народов, особенно одаренных добродетелью, умом и мужеством. Природа в этом отношении делила поровну свои дары. Действительно, если бы большая или меньшая сила ума зависела от различия температуры в разных странах, то, принимая во внимание древность мира, должна была бы найтись народность, которая, будучи поставлена в наиболее благоприятные условия, достигла бы путем постоянных успехов большего превосходства над другими народами. Но уважение, которое поочередно воздавалось за их ум разным народам и презрение, которому они, одни за другими, подвергались, показывают, как ничтожно влияние климата на ум“.²

Гельвеций идеолог восходящей революционной буржуазии XVIII века—в полном противоречии с расистскими шовинистическими бреднями фашистских палачей и ученых холопов современных англо-американских империалистических клик, отвергал всякие попытки объяснения уровня экономического, политического и культурного развития тех или иных народов какими-нибудь анатомическими особенностями людей, образующих эти народы.

¹ Гельвеций, „Об уме“, Москва, 1938, стр. 249.

² Под духовными причинами Гельвеций, в отличие от физических (климат, почва и т. п.) подразумевает преимущественно форму правления.

³ Гельвеций, „Об уме“, стр. 263.

«...Внешние различия, существующие, например, между физиономией китайца и шведа,— писал Гельвеций,— не может иметь никакого влияния на их ум. И если все наши мысли входят в нас, как это доказал Локк, через внешние чувства, то и северные народы, не имея большего количества внешних чувств, чем народы восточные, обладают в силу своего физического сходства и равными с ними умственными способностями.»¹

Несмотря на достаточную примитивность своих аргументаций, Гельвеций честно и мужественно осуждал все современные ему попытки культивировать презрение к остальным народам, отвергал все формы национального тщеславия и высокомерия. «Много ли найдется таких,— спрашивает он,— которые понимают что презирать какую-нибудь нацию всегда несправедливо? Что превосходство одного народа над другим всегда зависит от более или менее удачной формы правления?»²

Гельвеций упорно подводит своего читателя к мысли, что при одинаковой политической форме правления, под сенью одних и тех же законов самые различные народы показали бы одинаковое процветание во всех областях деяния.

Следует отметить, что Гельвеций наивно полагал, что общественный строй, идущий на смену феодализму, осуществит равенство прав всех народов и создаст условия для одинакового расцвета творческих сил всех национальностей. Он глубоко заблуждался. Капиталистический строй, сменивший феодализм в особенности на империалистической стадии своего развития, довел до апогея порабощение малых и отсталых народов империалистическими кликами. С помощью такого аркана, как пресловутый «план Маршалла», под прикрытием буржуазно-космополитического словоблудия, не брезгуя никакими грязными провокациями и отвратительными насилиями империалистические хищники из США хотели бы покончить с национальным и государственным суверенитетом всех больших и малых народов, сделать их объектом беспощадного порабощения и эксплуатации.

Могущественный политический, экономической, культурный расцвет без исключения всех народов, населяющих СССР, воочию опрокинул все расистские и шовинистические измышления о полноценных и неполноценных народах, все подобные «теоретические» домыслы, решительным противником которых в XVIII веке выступал Гельвеций.

Заканчивая нашу работу, хотелось отметить также, что с годами расхождения между Монтескье и Гельвецием в вопросе об оценке религии и церкви значительно более углубились. Автор «Духа законов» не пошел дальше деизма и сдержанной проповеди прин-

¹ Гельвеций. «Об уме», стр. 257.

² Там же, стр. 124.

ципа свободы вероисповедания, в то время, как Гельвеций ополчился против религии и церкви, конечно, с позиций буржуазно-просветительского атеизма и был одним из решительных защитников идеи отделения церкви от государства и свободы совести, которой не суждено было сколько-нибудь последовательно осуществиться в условиях буржуазного государства.

Таковы в основном теоретические расхождения между Монтескье и Гельвецием, выразившие в последнем счете расхождения между умеренно-либеральным и революционным течениями в среде предреволюционной французской буржуазии.